Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича (2)

А-й тут срежаицьсе Добрыня да сын Микитиць же,
Он срежаицьсе-сподоблеицьсе во цисто полё.
Он своей-то жоны дак он наказыват,
Он Настасьи Викулисьни наговарыват:
«Ты сиди-ко, Настасьюшка, шесть лет поры,
Просиди ты-ко, Викулисьня, друга шесть лет,
Да минуицьсе Настасьюшки двенаццэть лет —
Да вдовой хошь сиди, да хошь замуж поди.
За Олёшу за Поповиця взамуж не ходи:
Ой Олёша силой не силён, да только ле напуском смел!»
Тут прошло ле Настасьюшки шесть лет поры;
Тут прошло ле Викулысьны друга шесть лет.
Ой миновалисе друга шесть лет —
Ой тут ведь стали на Настасьюшки сваты сватацьсе.
Ой как Олёшенька приехал да сын Попович же,
Тут ведь здумала Настасьюшка взамуж нетти,
За Олёшенька Поповица взамуж нетти.
«Тут ведь так же не йдешь — да я ли тибя силой возьму!»
Тут ведь здумала Настасьюшка взамуж итти
За Олёшеньку она да ле за Поповица,
Тут оставляёт-оставляёт Добрынину родну маменьку.
Тут сидит, тут сидит ле Добрынина родна маменька,
Ой она сидит, тут сидит на кирьписьней жаркой пеценьки:
«Ой ище хто ле миня же будёт поить-кормить?
Ой ище хто ли миня будёт обшивать-омывать?
Ой ище хто ле миня же будёт тёплом огревать?»
Ой слезываёт-слезываёт Добрынина родна маменька,
Ой слезываёт-слезываёт с кирьпесьней жаркой пеценьки:
<О>на ступат, тут ступат на гладки полы,
На гладки-ти полы да ли на дубовыя,
Ой на перекладинки ступат да ли на сосновыя;
Ой она проходит-проходит по дубову полу;
Ой она садицсе-садицсе на брусцяту белу лавоцьку;

Ой <о>на гледит-то, смотрит во стекляну тут околёнку —
Ой она гледит-то, тут смотрит да ле во цисто полё,
Во цисто-то полё да ле во роздольицо.
Ой во цистом-то поли да ле курева стоит,
Ой курева-та стоит, да ле дым столбом валит:
Ой ище цёрному ворону пролету нет,
Ой ище серому-ту заюшку проскаку нет,
Ой ище доброму коню да ле как пробе́гу нет.
Ой приежджаёт-приежджаёт да к широку двору,
Ой к широку-ту двору да ле ко красну крыльцю.
Ой он ведь доброго коня да ле сам прывязыват,
Ой на кры[ле]цюшко идёт да ле потихохонько,
Ой на передызбицё ступат да ле помалёхонько,
Ой светлу светлицю заходит да Богу молицсэ:
Ой он ведь крест-от кладёт да ле по-писаному,
Ой он поклоны-ти гнёт да ле по-уцёному,
Ой он молитву творит да ле право Су́сову.
«Ой ты здорово, ты здорово, Добрынина родна маменька!» —
«Ой ты здорово, ты здорово, удалой доброй молодець!
Ой не видал ле ты Добрынюшки ты Микитица?» —
«Ой како́ у Добрынюшки было зна́мьицо?» —
«Ой под правой-то рукой была бородавоцька». —
«Ой ты здорово, ты здорово, Добрынюшка Микитиць же!» —
«Ой уж ты маменька родима, да у тя где друга семья,
Ой где друга-та семья ле — Настасьюшка Викулисьня?» —
«Ой как Настасьюшка Викулисьня во замуж ушла
Ой за Олёшеньку она да ле за Поповица!» —
«Ой уж ты маменька родима, да сходи в тёмны подгрёба,
Ой ты вы́ми мне, вынеси платьё цёрноё,
Ой платьё цёрно мне вынеси — сиро́цкоё;
Ой ты ище же мне вынеси злоцян перстень,
Уж ты тот же перстень, которой обруцённой-от,
Мы которой с Настасьюшкой обруцэлисе!»
Ой тут срежаицсе Добрыня да сын Микитиц же,
Он походит к Олёшеньки на свадёбку.
Тут пошол же Добрыня да сын, сын Микитиц же.
Он приходит-приходит да к широку двору,
К шир[о]ку-ту двору да ле ко красну крыльцю.
Ой по кры[ль]цю що идёт да ле потихохонько,

Ой по передызбицю ступат да ле помалёхонько.
Ой в светлу светлицу заходит да Богу молицсэ:
Ой он ведь крест-от кладёт да ле по-писаному,
Ой он поклоны-ти гнёт да ле по-уцёному,
Ой он молитву творит да ле право Су́сову.
«Вы здорово-те, здорово-те, все ли люди добрыя!
Ой ты здорово, ты здорово, Олёша Поповиц же!
Ой ты здорово, ты здорово, Настасьюшка Викулисьня!» —
«Ой уж ты здрастуёшь, здрастуй, калика перехожая!» —
«Ты, Олёшенька Поповиц, да дай мне местицько!» —
«Ой как хороши-ти места да ле все прызаняты —
Ой как ведь есь ле там местицько на песьнём столбу!»
Ой тут ведь сел ли калика да перехожая.
«Ой уж вы ой ле еси ле, Олёшенька Поповиц же!
Ой ты позволь-ко калики да во гусли сыграть!» —
«Ой ты играй-играй, калика, да скольки хоцицьсе!»
Ой как первой раз заиграл — Настасьюшка подумала;
Ой как другой раз заиграл ле — Настасьюшка-та сплакала;
Ой как третей раз заиграл ле — Настасья рець спроговорыла:
«Ой уж вы ой ле, еси ле, Олёша сын Поповиц же!
Ты налей-ко калики да зелёна вина,
Ой ты не много, не мало — да цару полтора ведра;
Ой ты подай-ко калики да перехожоей!» —
«Ой уж ты пей-ко-се, кушай, калика перехожая».
Ой тут примаёт калика да перехожая
Ой одиной-то рукой — да одным мезёнышком,
Ой выпиваёт калика да на единой дух.
Ой как ведь умны-ти люди да всё дозналисе,
Ой как глупы-ти люди да росмехалисе.
Ой говорыла тут Настасьюшка тут во второй раз:
«Ой уж ты ой ле еси ле, Олёшенька Поповиц же!
Ой ты налей-ко калики да зелёна вина,
Ты не много, не мало — да полтара ведра;
Ой ты подай-ко калики да перехожое!»
Ой наливаёт Олёшенька зелёна вина,
Ой подаваёт калики да перехожое.
Ой тут прымаёт калика да единой рукой,
Единой-то рукой и одным мезёнышком;
Ой выпиваёт калика да на единой дух.

Ой говорит же Настасьюшка во третей раз:
«Ой ты налей-ко цару да зелёна вина,
Ой ты подай-ко калики да перехожое!»
Ой наливаёт Олёша да сын Попович же,
Подаваёт калики да перехожое.
Прынимаёт калика да единой рукой,
Единой-то рукой, едным мезёнышком;
Ой выпиваёт калика да на единой дух.
Ой тут скоцил же калика да со песьня столба —
Ой как Олёшины хоромы да пошаталисе,
Ой как ведь есвы на столах да ле сколыбалисе.
Ой тут ведь брал ле Настасьюшку за праву руку.
Как повёл-то Настасьюшку он из грыни вон.
Ой как умны-ти люди да всё дозналисе;
Ой как ведь глупы-ти люди всё росмехалисе:
«Ой ты здорово жанилсэ — да тебе не с ким спать!»
Ой ище тут же Олёшеньки да за беду палось,
Ой за великую досаду да тут показалосе:
Ой как хотел-то Олёшенька назади бежать...

(Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тигля́ва (Тигля́ева) Юромской вол. — от Титовой Афанасьи Ивановны, 24 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.